

Лемюэль Гулливер, судовой врач и искатель приключений, после кораблекрушения попал в плен и подвергся обстрелу

Мой отец владел небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти его сыновей. Когда мне минуло четырнадцать лет, он отправил меня в Кембриджский университет, где я с головой погрузился в учёбу. К сожалению, отец мой был небогат и не смог полностью оплатить моё образование. Через три года мне пришлось оставить Кембридж и отправиться в Лондон, чтобы продолжить обучение у выдающегося хирурга Джеймса Бэйтса. Я провёл в Лондоне четыре года и изучил всё, что требовалось знать младшему военному врачу. Отец время от времени присылал мне небольшие суммы, которые я тратил на приобретение книг по математике и навигации. Эти науки были необходимы путешественникам, а я уже давно решил, что рано или поздно увижу весь мир.

Спустя четыре года я вернулся домой, но вскоре отправился в Лейден, в Голландию. Там я около трёх лет изучал физику, так как был уверен, что это обязательно пригодится мне в долгих странствиях, а затем три с половиной года служил судовым врачом. После нескольких плаваний, в которых я побывал, я решил

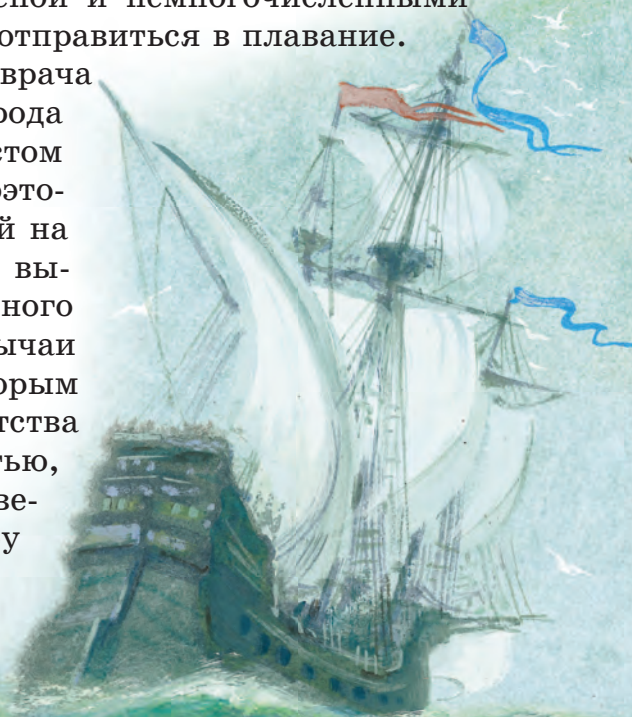

поселиться в Лондоне. Мистер Бэйтс порекомендовал меня нескольким своим пациентам, так что у меня появилась собственная небольшая практика. Я снял квартиру на Олд-Джеври-стрит и вскоре женился на мисс Мэри Бёртон, которая принесла мне четыреста фунтов приданого.

Но два года спустя мой добрый ангел мистер Бэйтс внезапно скончался. Друзей у меня было немного, а врачебная практика приносила всё меньше и меньше дохода. Посоветовавшись с женой и немногочисленными приятелями, я решил снова отправиться в плавание.

В должности судового врача я прослужил шесть лет. Природа наградила меня высоким ростом и отменным здоровьем, поэтому тяготы долгих странствий на мне не сказывались. Когда выпадали минуты отдыха, я много читал и старался изучить обычаи и языки тех народов, к которым нас заносила судьба. С детства я обладал прекрасной памятью, и мне было достаточно провести среди чужого народа пару недель, чтобы начать понимать новый язык и суметь на нём объясниться.

Самое замечательное плавание, которое навсегда осталось в моей памяти, началось 4 мая 1699 года. Наш корабль «Антилопа» вышел из Бристоля и направился к южным морям. Поначалу всё шло прекрасно, но у самых берегов Ост-Индии «Антилопа» попала в страшный шторм. Беспощадный ветер безостановочно гнал её всё дальше и дальше, как нам казалось, к северо-востоку от Земли Ван-Димена. В густом тумане наш корабль наскочил на рифы и разбился. Мне и пятерым моим товарищам удалось спустить на воду шлюпку, мы налегли на вёсла и успели отойти от скалы и тонущего корабля. Но уже через полчаса наша шлюпка была перевернута мощной волной.

Не знаю, что стало с моими товарищами по несчастью. Я плыл куда глаза глядят, то и дело пытаюсь нащупать ногами дно, и наконец коснулся земли. Я был спасён! Примерно милю я шёл вброд и только часам к восьми вечера выбрался на берег. Нигде не было видно ни людей, ни жилья, хотя, возможно, я просто слишком устал, чтобы замечать хоть что-то. Пройдя ещё около полумили вглубь берега, я бросился на мягкую траву и тотчас заснул.

Я проспал примерно девять часов и проснулся, когда было уже совсем светло. Я хотел подняться, но внезапно понял, что не могу даже пошевелиться.

Я лежал на спине; мои руки, ноги и даже длинные волосы были крепко-накрепко привязаны множеством крепких шнурков к вбитым в землю колышкам; такие же тонкие, но прочные шнурки опутали всё моё тело.

Послышались неясные звуки, но я не мог посмотреть, откуда они доносились. Вдруг что-то пробежало

по моей ноге, затем по груди и взобралось на самый подбородок. Опустив глаза, насколько было возможно, я увидел, что это маленький человечек, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелами в руках и колчаном за спиной! Вслед за ним по мне карабкались ещё по меньшей мере сорок таких же существ. В крайнем изумлении я вскрикнул, и они в ужасе кинулись в разные стороны (как я узнал позже, некоторые из них попадали с меня на землю, сильно ушиблись и долго болели). Однако вскоре они вернулись, и один из них, самый отважный, приблизившись к моему лицу, вскинул вверх

руки и закричал пронзительно, но отчётливо: «Гекина дегуль!» — и остальные повторили за ним эти слова

Приложив немалые усилия, я смог, наконец, высвободить левую руку и немного повернуть голову вправо. Маленькие человечки, окружавшие меня, с пронзительными криками бросились врассыпную, словно стая испуганных птиц. Но в тот же миг кто-то закричал: «Только фонак!» — и словно целая сотня комаров впилась мне в руку. Разумеется, это были не комары, а стрелы. При следующем залпе несколько стрел попали мне в лицо, хоть я и прикрывал его ладонью. Человечки кололи меня копьями в бока, но моя прочная кожаная куртка сводила на нет все их усилия.

Я решил, что разумнее будет лежать спокойно, молчать и ждать ночи: может быть, тогда мне удастся найти какой-нибудь выход.

Гулливера накормили
и под усиленной охраной отправили в столицу

Между тем количество окружавших меня крошечных человечков всё увеличивалось, и мне казалось, что поблизости жужжит пчелиный рой. Затем справа раздался стук и продолжался около часа. Повернув голову насколько возможно, я увидел напротив своего лица помост, верх которого находился приблизительно на уровне моего носа. Один из человечков, по-видимому, очень знатный, поскольку паж нёс за ним длинный шлейф, взошёл на трибуну и заговорил. Речь его была длинная, понять её я, конечно, не мог, но запомнил фразу, которую знатный господин в начале речи трижды прокричал похожим на щебетание канарейки голосом: «Лангро дегуль сан!» По интонации, жестам, грозному движению бровей я всё-таки догадался, что меня о чём-то предупреждают и даже, похоже, в случае сопротивления обещают применить силу.

Я хотел было ответить, но от первых же произнесённых мною звуков трибуна зашаталась, а стоявшие вокруг знатной особы человечки поспешили зажать ладошками уши. Тогда я перешёл на шёпот, произнёс несколько смиренных слов и поднял к небу свободную

руку, призывая солнце в свидетели своих добрых намерений. После этого я постарался объяснить им, что страшно голоден: подносил несколько раз палец ко рту и делал жевательные движения челюстями. Гурго — так называют всех важных господ, как я потом узнал, — меня понял; тотчас к моему туловищу были приставлены лестницы, и более ста человек стали подносить мне разные яства: множество окороков, жареных баранов, разрубленных пополам, и волов, разрубленных на четверти. Всё было превосходно приготовлено и очень вкусно.

Я проглатывал по два-три блюда разом и заедал мясо целыми караваями хлеба, которые были не больше некрупной вишни. Человечки стояли вокруг, кричали и махали руками, изумляясь моему аппетиту, а каждый раз, когда у меня во рту исчезала половина барана, смеялись и хлопали в ладоши.

После еды мне захотелось пить, и я жестами дал человечкам об этом знать.

Они тотчас притащили громадный, по их понятиям, кубок величиной не больше напёрстка. О нём у туземцев сложилась легенда, что когда-то некий музыкант выпил его залпом. Они поняли, что тех нескольких капель, что его наполняли, мне не хватит, и подкатили бочку, вмещавшую около половины чайной чашки. Я осушил её одним глотком и попросил вторую, затем третью, но мне не дали, так как больше у них не оказалось. Пока я пил, туземцы с криками радости танцевали у меня на груди и то и дело повторяли: «Гекина дегуль!» Жестами они попросили сбросить пустые бочки вниз, но вначале предупредили тех, кто был внизу, криками «Бора мевола!» Когда бочки взлетели в воздух, все дружно прокричали: «Гекина дегуль!» Когда ни есть, ни пить стало нечего, человечки вновь вскарабкались на меня и, выражая своё удовольствие, принялись плясать у меня на животе.

Меня так раздражала щекотка, что несколько раз я пытался схватить в горсть этих назойливых визитёров и бросить на землю, но во время одумывался: во-первых, я пообещал им не сопротивляться, а во-вторых, они меня накормили и следовало выказать

им благодарность за гостеприимство. Кроме того, несмотря на свои ничтожные размеры, они могут быть весьма воинственными: их стрелы уже дали мне это почувствовать.

Пока я всё это обдумывал, высокопоставленный господин с большим свитком в руках взобрался ко мне на бедро, добрался до груди и, оказавшись в зоне видимости, развернул императорскую верительную грамоту. Показав её мне, он заговорил и проговорил минут десять, всё время указывая при этом куда-то вдаль, в ту сторону, где, как я потом узнал, находилась столица и резиденция их императора. Я жестами дал ему понять, что будет лучше, если меня просто отпустят, но он отклонил это решительным движением головы.

Наконец гурго и его свита любезно раскланялись и удалились, и тут же множество человечков кинулись

ко мне, то и дело выкрикивая «Пеплом селан!» Верёвки, удерживавшие меня, развязали, а ранки от стрел смазали чем-то целительным, так что зуд и боль сейчас же исчезли, и я смог заснуть.

Проспал я, как мне сказали потом, восемь часов: оказалось, к вину, что я выпил, подмешали какое-то снотворное средство. Пока я спал, человечки начали подготовку к перевозке меня в свою столицу. Несомненно, это было для них делом непростым: шутка ли, переправить такого великана в резиденцию самого императора! — но человечки эти оказались прекрасными математиками. Благодаря поддержке своего императора, который покровительствовал наукам, они достигли выдающихся успехов в механическом деле: научились делать машины на колёсах не только для перевозки людей, но и для леса и других тяжестей. Они также строят громадные военные корабли. Верфи находятся в местах, где есть строевой лес, а оттуда корабли на машинах перевозят к морю.

Итак, чтобы меня перевезти, пятьсот плотников и инженеров соорудили удивительную платформу: длина её равнялась моему росту, а высота достигала трёх дюймов. Эта платформа была установлена на двадцать два колеса.

После этого в землю около меня вбили восемьдесят кольев, снабжённых блоками; всё моё тело обвязали крепкими канатами и перекинули их через блоки. Девятистам рабочим пришлось около трёх часов тянуть канаты, чтобы поднять меня, но я так крепко спал, что ничего не чувствовал. Всё это я узнал позднее

из рассказов. Чтобы перевезти меня, потребовалось полторы тысячи самых сильных ломовых лошадей размером едва ли не с мою ладонь.

От столицы нас отделяло расстояние, которое я мог бы пройти менее чем за час; мы же ехали целый день, ночью останавливались в лесу для отдыха, потом опять ехали. Во время ночёвки возле меня стоял караул — по пятьсот гвардейцев с каждой стороны: одни — с факелами, другие — с луками, готовые стрелять при первой же моей

попытке двинуться с места. К полудню следующего дня до города оставалось не больше полутора сотен средних человеческих шагов. К нам навстречу вышел сам император Бимбул XVII со своей супругой Цимпиллой и всем двором. Храбрый император попытался было тотчас же взобраться на меня, но супруга и придворные принялись заклинять его не подвергать свою драгоценную жизнь такой опасности. С неохотой уступив их просьбам, он отказался от своего рискованного намерения.

Там, где мы остановились, находился величественный старинный храм, но в нём уже давно не совершали богослужений. Ворота его оказались настолько высокими, что я смог пролезть в них на четвереньках, а внутри было достаточно просторно, чтобы можно было свободно растянуться. Тридцать шесть слесарей приковали мою левую ногу к дверям храма — для этого понадобилась девяносто одна цепь вроде обычной дамской цепочки.

Напротив храма стояла башня высотой немного ниже моего роста. На эту башню и поднялся император со своей свитой, чтобы лучше разглядеть пленника. Толпа маленьких человечков, собравшаяся посмотреть на меня, насчитывала никак не меньше сотни тысяч, и, наверное, с десятков тысяч из них успели погулять по моему телу. Каждый человечек был не тяжелее нашего обыкновенного письма, а четверо весили приблизительно столько же, сколько одно среднее куриное яйцо. Новорождённый был не тяжелее не очень крупной ягоды крыжовника. Присутствие всей этой толпы, помещавшейся на мне, было бы вполне терпимым, если бы только они вели себя

поделикатнее. Многие даже не потрудились вытереть башмаки, прежде чем на меня взобраться, а кроме того, бесцеремонно хлопали и тыкали меня своими палками и тросточками. Некоторые забывались настолько, что стучали по моему лбу, залезали в карманы, в складки одежды, взбирались на нос, как на башню, чтобы насладиться оттуда красивым видом. Один, самый дерзкий, вскарабкавшись ко мне на нижнюю губу, по-видимому, обсуждал с другим, поместившимся на верхней, какова ширина моего рта. Это мне показалось особенно скучным, я не вытерпел и зевнул, и они с криками ужаса бросились бежать. При дыхании грудь и живот у меня равномерно поднимались и опускались, и у многих человечков началось что-то вроде морской болезни, а когда одна неосторожная дама сломала себе ногу, нечаянно попав в петлю моего жилета, император опубликовал указ, который под страхом смертной казни запрещал взбираться на меня без особого на то разрешения. Верёвки, которыми я был привязан к телеге, с меня сняли лишь после того, как со всеми предосторожностями и самым тщательным образом приковали цепями за левую ногу. И только тогда, в первый раз с тех пор, как попал в эту страну, я смог подняться во весь рост. Общий крик изумления вырвался из уст собравшейся толпы. Человечки понимали, что я настоящий великан, но всё же не могли себе представить насколько. Прошло довольно много времени, прежде чем они пришли в себя и успокоились.

Так как цепи позволяли мне удаляться на расстояние не более трёх футов и я мог лечь внутри храма, моё жильё можно было сравнить с хорошей собачьей конурой.

Страна лилипутов и её повелитель.
Как Гулливер вызвал общее волнение,
а затем снискал себе полное расположение

однявшись на ноги, я мог окинуть взором громадную часть страны, и это зрелище перенесло меня в далёкие времена, когда, будучи ребёнком, на полу одной из больших комнат нашего дома строил точно такие же города, как столица страны, лежавшая теперь передо мной. Вся страна напоминала клумбу. Тут были поля и пастбища — одни величиной с шахматную доску, а другие даже достигали размеров самой большой скатерти моей матери, — леса, которые нельзя было бы накрыть четырьмя широкими простынями. В ближайшем лесу я заметил старые вековые деревья, прямо-таки громадные — высотой с нашего мальчика-подростка! Размеры животных соответствовали, конечно, всему остальному. Лошади и коровы были приблизительно с белку, не считая хвоста; гуси не превосходили нашего крапивника; мухи казались едва заметными точками, а блохи были хоть и не видимы простым глазом, но присутствие их чувствовалось не меньше наших. У всех жителей этой страны очень хорошее зрение, но лишь на близком расстоянии: они могли видеть, как мухи чистят себе